

УДК 81'282
ББК 81.2

Л.И.Мирошникова

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА КАК ПРИЗНАК СУБЭТНОСА ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Статья посвящена языковой специфике как одному из признаков субэтноса донского казачества. Как показывают лексикографические источники, донские говоры имеют своеобразные диалектные особенности на всех уровнях языка. В области фонетики диалектные явления затрагивают системы консонантизма и вокализма. Лексический уровень представлен различными типами диалектизмов и диалектными значениями общерусских слов. В сфере грамматики диалектные особенности касаются морфологии и синтаксиса. Автор отмечает, что донские говоры различаются по большей части в фонетике и грамматике, но сближаются в лексике. Именно на лексическом уровне происходит между ними активное взаимодействие.

Ключевые слова: *этнолингвокультурологический подход, субэтнос донского казачества, донской говор, диалект, языковые уровни.*

Мирошникова Людмила Ивановна – соискатель кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-951-495-52-14
E-mail: mludai@mail.ru

В современной лингвистике, на рубеже XX – XXI вв., всё больше возрастает тенденция к рассмотрению проблем взаимосвязи языка и культуры в русле двух таких парадигм исследования, как этнолингвистика и лингвокультурология. Область исследования этнолингвистики – это этническая специфика характера народа, его ментальности, эмоциональной сферы, стереотипов речевого поведения, передаваемых из поколения в поколение. Для лингвокультурологии – это культурно-специфические единицы и кросскультурный анализ [Боева-Омелечко, с. 63].

В центре внимания исследователей, работающих в рамках интегративного этнолингвокультурологического подхода к изучению фактов языка и культуры, оказывается триада «*язык – культура – этнос*» с акцентом на изучении функционирования и развития народных говоров. Это обусловлено огромным вкладом диалектов в национально-речевые культуры и важностью их значения как хранителей своеобразия национальных картин мира [Григорьева, с. 3].

Изучение этнодифференциальных особенностей донского казачества, в частности языковых, представляет большой интерес, поскольку казачество является отдельной социальной группой, субэтносом, частью русского народа [Проценко, с. 42 – 43].

Характеристика казачества как субэтноса вполне оправдана, так как субэтнос – это только «часть этноса, расселенная на определённой территории и об-

ладающая в силу этого культурной и языковой спецификой и элементарно общего этнического самосознания» [Тавадов, с. 495].

Что касается донских говоров, то они сформировались в период с конца XVI – первой половины XIX вв. на территории Дикого Поля. В течение почти трёх столетий на Дон стекались выходцы из центральных и южных областей Руси, в частности, Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской; а также колонисты со стороны Украины, Белоруссии, Крыма, Турции, Калмыкии, Кавказа [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 7–8; Словарь русских донских говоров, 1991, с. 5].

Между этническими группами неизбежно устанавливались межъязыковые контакты. Так, говоры Дона явились результатом сложных языковых и неязыковых факторов.

Донские говоры входят в состав южновеликорусского наречия и сохраняют определённое сходство с говорами восточной части этого наречия – рязанскими, воронежскими, тамбовскими, курскими, орловскими [Сердюкова, с. 8], что показывает вторичность их образования. В системе русского языка они не образуют особой группы, а, как и другие диалекты русского языка, являются сложной системой, включающей в себя элементы, свойственные русскому языку в целом, и специфические диалектные черты. Многие языковые особенности донских говоров являются общерусскими и южнорусскими с присутствием северорусского элемента [Хмелевская, с. 122; Словарь русских донских говоров, 1975, с. 8, 12].

Однако языковое единство на Дону не сложилось. И понятие «донские говоры» является чисто территориальным, а не структурно-лингвистическим [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 12].

По большей части донские говоры различаются в фонетике, несущественно в области морфологии и синтаксиса, но сближаются в лексике. Именно на лексическом уровне происходит активное взаимодействие между говорами: переход лексем из одного говора в другой, разложение лексических систем отдельных говоров, стирание различий между говорами и возникновение у них сходных тенденций [Словарь русских донских говоров, 1991, с. 7].

Следует также подчеркнуть, что в одних случаях донской говор и донской диалект учёными отождествляются [Словарь русских донских говоров, 1991, с. 5], в других случаях между говором и диалектом проводится граница. Например, О.К. Сердюкова язык донского казачества относит к говору, в котором используются диалектные элементы [Сердюкова, с. 8].

Существенная роль в выявлении особенностей речи казачества на различных языковых уровнях принадлежит лексикографическим источникам. К ним относятся, в частности, следующие: «Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков» [1929]; «Словарь русских донских говоров» [1975; 1991]; «Большой толковый словарь донского казачества» [2003]; «Толковый казачий словарь» [2007].

На **фонетическом** уровне диалектные явления речи донского казачества проявляются как в области гласных, так и в области согласных звуков.

Донские говоры имеют одинаковый с литературным языком состав гласных. Общедонской характеристикой является различие верхнего и неверхнего подъёма гласных в первом предударном слоге после твёрдых согласных (*сула́, вала́*) и неразличение подъёмов гласных в первом предударном слоге после мягких согласных [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 8–9].

Есть и специфические черты, присущие тому или иному говору в отдельности. Среди них исследователи выделяют недиссимильативное аканье (*каса́, каси́лка*) и диссимильативное аканье (*вады́, траву́*); иканье (*ниси́, питу́*); иканье со следами диссимильативного яканья (*симью́* и *сямью́*); сильное яканье (*лист-листо́в*); диссимильативное суджанское яканье (*няси́, пита́к*) и диссимильативное яканье щигровского подтипа (*в цвяту́, рика́*); ассимильативно-диссимильативное яканье кидусовского подтипа (*бяда́, тилёна́к*); оканье и ёканье – следы украинской колонизации [Миртов, 1929, с. 7–8; Словарь русских донских говоров, 1975, с. 10; Сердюкова, с. 8].

Не менее важным является редуцирование гласных звуков, иногда до нуля, в первом, втором предударном слоге и заударных слогах (*кѣза́ки, бѣла́н*), а также в конце слова (*карамы́сл, масл*) [Сердюкова, с. 8].

Частными случаями редукции становятся замены одних гласных другими. Например, начальные *о* и *а* во втором предударном слоге заменяются на *и* (*игу́рцы, ита́йди*) [Сердюкова, с. 8].

Как правило, ударные гласные характеризуются позиционной меной, связанной с качеством согласных по твёрдости–мягкости (*рук – бир'ук*) [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 8].

Что касается согласных, то каждый говор имеет своё количество звуков: 28, 30, 32 и 34. Как и литературный язык, донские говоры располагают коррелятивными рядами согласных по твёрдости–мягкости, звонкости–глухости. Есть и некоторые особенности: фрикативный *г* имеет парный глухой *х*, а не *к*; твёрдые, мягкие губные согласные и *р* не противопоставлены перед *и* (*бистра, кри́ша*) и др. [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 8–10].

В системе согласных одна из выразительных черт – чередование звуков. Например, *ф* в заимствованных словах обычно замещается звуками *х, хв, к, кв* (*кохта́, Хвё́др*) [Сердюкова, с. 8].

Имеют свои особенности звуковой реализации шипящие и фрикативные согласные. Так, долгие шипящие *ж* и *ш* произносятся либо твердо (*шшо́ки, прие́жжай*), либо мягко (*во́жжи, до́жжи*) и др. [Сердюкова, с. 8].

Имеет место и прогрессивная ассимиляция по мягкости заднеязычных *к* и *г* (*Вань́кя, уго́лькѣм*) [Сердюкова, с. 9].

Согласные имеют свойство быть дополнительными элементами. Звук *в* добавляется в начале слова или слога перед гласными *о* и *у* при

произнесении слов (*вóсна, Радивóн*) [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 11].

На **лексическом** уровне учёными рассматриваются основные типы диалектных номинативных единиц (слов и словосочетаний различного типа), а также диалектные значения общерусских слов из активного и пассивного лексического запаса донских казаков, которые можно сгруппировать следующим образом.

1. Специфические местные слова с диалектными и общерусскими корнями (*брызчик* – ‘сорт винограда’), включая заимствованные диалектом иноязычные слова (*гарда́л* – ‘горчица’, ‘семена горчицы’, ‘порошок из семян горчицы’, ‘приправа из молотых семян горчицы’, ‘хрен’). Распространена и диалектная производственная лексика разных дел и ремёсел (*глаго́ль* – ‘приспособление для подъёма жерновов’). Встречаются также устаревшие литературные слова, в настоящее время являющиеся фактами диалектной лексики (*фа́бра* – ‘краска для волос, бровей’), и новообразования, в том числе названия современных предметов быта (*ремёшки* – ‘босоножки’).

2. Диалектные варианты общерусских слов с элементами формального различия, а именно лексико-фонетического (*аржа́ной* – ‘ржаной’) или лексико-грамматического (*копно́* – ‘копна’). Многочисленными являются фонетико-словообразовательные варианты литературных и диалектных слов (*курне́й, курня́й, курне́к, курняк* – ‘шкурка новорождённого ягнёнка и выделанная из него овчинка, смушка’). Можно отметить лексические единицы, отличающие устную народную речь: экспрессивно окрашенные существительные (*кочету́шка* – ‘молодой петушок’); прилагательные и наречия (*мале́сенький, близочко*); глаголы (*пи́точки, спáтюшки*).

3. Слова, противопоставленные литературным эквивалентам по значению. Они подразделяются на две основные группы: а) общерусские слова и фразеологизмы, в семантическую структуру которых входят диалектные значения (*дуб* – ‘рыбацкая лодка большой грузоподъемности’; *со́лнце в дуб* – ‘положение солнца над горизонтом при восходе и закате’); б) производные слова, образованные в диалекте по общерусским моделям, совпадающие по звучанию и морфемному составу с литературными и просторечными словами, но имеющие другое значение или другую предметную соотносённость (*горчи́ца* – ‘горький стручковый перец’).

4. Локально окрашенные фразеологические сочетания слов: а) фразеологические выражения, состоящие из двух или нескольких общерусских или диалектных слов, обладающие целостным значением (*лазо́ревый цвето́к* – ‘тюльпан’); б) устойчивые сочетания слов с переносным значением (*ту́ча чё́рная* – ‘множество чего-л.’); в) словосочетания, имеющие в своем составе слова со связанным лексическим значением или включающие застывшие архаические грамматические формы (*ще́рый на ру́ку* – ‘щедрый’); г) составные наименования предметов, явлений, в том числе терминологические словосочетания, относящиеся к сельскому хозяйству, рыболовству и т.д. (*портóчное молоко́* – ‘створо-

женное молоко'); д) предложноимённые сочетания устойчивого состава с закреплённым значением (*до дела* – 'как следует'); е) диалектные варианты литературных и просторечных фразеологических выражений (*сбивать баклуши* – 'бить баклуши') [Словарь русских донских говоров 1991, с. 9–10].

Словообразование в донских говорах рассматривается лексикографами в рамках полипрефиксации глаголов (*понавѣжарить*, *поповѣбанить*) [Словарь русских донских говоров 1991, с. 9].

Специфика речи донского казачества проявляется и на уровне **грамматики**, т.е. в области морфологии и синтаксиса.

В области **морфологии** яркой особенностью является изменение категории рода, состоящее в разложении класса существительных среднего рода и переходе их в женский род в именительном и винительном падежах (*такая горя*) [Словарь русских донских говоров 1975, с. 9].

Вследствие этого происходит оформление существительных женского рода с ударной флексией по среднему роду (*вечѣрная звездѣ*). Определение согласуется с существительным в форме мужского рода (*худѣй ведро*). Существительное среднего рода переоформляется по мужскому роду (*зѣрькѣл, крылѣц*). Оформляются по женскому роду существительные мужского рода, преимущественно заимствованные, которые оканчиваются на *тр, гр, рм, нк* (*две ли́тры*) [Сердюкова, с. 9].

В речи казаков свою специфику имеет парадигма склонения существительных, как в единственном, так и во множественном числе. У существительных первого склонения преобладает в флексия *-е* в родительном падеже единственного числа с предлогом (*у сестрѣ, из вѣде*). Существительные женского рода третьего склонения подвергаются влиянию первого склонения, особенно в предложном падеже единственном числе (*в грязѣ, на печѣ*) [Сердюкова, с. 9].

Во множественном числе существительные в родительном падеже имеют окончание *-ох* (*у старикѣх, от нѣмцѣх*), в творительном падеже – окончание *-ими* (*утки́ми, игѣлки́ми*) [Словарь русских донских говоров 1975, с. 11].

Некоторые существительные во множественном числе именительном падеже имеют особую форму, отличную от литературной (*лошадѣ, окны*) [Сердюкова, с. 9].

Что касается прилагательных и местоимённых прилагательных, то в именительном и винительном падежах в речи казаков они имеют свои особые окончания (*слипѣя, радѣ*). Протетический (согласный, присоединяемый в начале слова перед гласным для облегчения произношения) *н* в третьем лице у них может отсутствовать (*к-ѣй, в-ѣм*) [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 11]. Как и существительные, местоимения имеют флексию *-е* в родительном падеже единственного числа с предлогом (*у менѣ, без тебѣ*) [Сердюкова, с. 9].

У глаголов присутствует конечное мягкое *т* в третьем лице единственном и множественном числе (*идѣть, кричи́ть*) [Сердюкова, с. 9]. Если флексия безударная, мягкое *т* в глаголах третьего лица единствен-

ного числа может быть утрачено (*оте́ц траву́ ко́ся*) [Словарь русских донских говоров, 1991, с. 7].

Отмечается и совпадение безударных окончаний глаголов первого и второго спряжений в третьем лице множественного числа (*ходя́т, но́сют,*) [Сердюкова, с. 9]. Во втором лице множественного числа глаголов отмечаются окончания *-у́тя, -я́тя* (*и́лю́тя, глидя́тя*) [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 11].

В ряде случаев наблюдается чередование звуков. Так, при спряжении глаголов с корнем на заднеязычный происходит чередование твёрдых заднеязычных с мягкими (*пику́-пикёи*). Отсутствует чередование переднеязычных с шипящими и губных с губными и *л'* в глаголах второго спряжения (*ка́тю, спю́*) [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 11].

В инфинитивах суффиксом *-ть* оформляются глаголы не только с основой на гласный, но и с основой на согласный (*бре́сть, везть*) [Сердюкова, с. 9].

Область *синтаксиса* включает строй словосочетания и предложения. Что касается словосочетания, то в речи казаков присутствуют своеобразные предложные словосочетания. Содержащиеся в них предлоги, как правило, не отвечают литературной норме (*гу́та́рить за ди́рэвну́, и́уметь за малако́*) [Словарь русских донских говоров, 1975, с. 11].

Строй предложения в анализируемых нами лексикографических источниках не освещён, но, несомненно, тоже представляет интерес для изучения.

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что любой народ, и, в частности, донской казачий субэтнос, обладает своими собственными этнолингвокультурологическими признаками, которые, прежде всего, проявляются в языке. Проведённый нами анализ лексикографических источников показал, что донские казачьи говоры характеризуются своеобразными чертами на всех уровнях языка: фонетическом, лексическом, грамматическом.

Литература

Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Боева-Омелечко Н.Б. Этнолингвокультурологический подход к изучению особенностей культуры // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: II Междунар. конф. Челябинск, 2013.

Григорьева Н.А. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты: автореф. дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

Миртов А.В. Казачьи говоры. Ростов н/Д., 1926.

Миртов А.В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.

Проценко Б.Н. М.А. Шолохов и этнолингвистические проблемы донских казаков // Проблемы изучения творчества М.А. Шолохова. Ростов н/Д., 1997.

Ремчуков В.Н. Толковый казачий словарь. Волгоград, 2007.

- Словарь русских донских говоров. Т. 1. Ростов н/Д., 1975.
Словарь русских донских говоров. Т.1. Ростов н/Д., 1991.
Сердюкова О.К. Введение // Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
Тавадов Г.Т. Субэтнос // Этнология: словарь-справочник. М., 1998.
Хмелевская Т.А. Русские говоры Дона (Фонетика). Ростов н/Д., 1970.

Miroshnikova L.I.

Southern Federal University

LINGUISTIC SPECIFICITY AS THE INDICATION OF DON COSSACKS' SUBETHNOS

The article deals with the linguistic specificity as one of the indications of Don Cossacks' subethnos. According to lexicographical sources Don dialects have the original dialect peculiarities on all linguistic levels. In the sphere of phonetics dialect phenomena deal with the systems of consonantism and vocalism. Lexical level is represented by different types of dialecticisms and dialect meanings of Russian words. In the sphere of grammar dialect peculiarities become apparent in morphology and syntax. The author notes that Don dialects mostly differ in phonetics and grammar, but draw nearer in vocabulary. On the lexical level an active interaction between them takes place.

Keywords: *ethnolinguoculturology approach, Don Cossacks' subethnos, Don dialect, dialect, linguistic levels.*